

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аракчеев Владимир Анатольевич
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: arakk@rambler.ru

Рост налогов и масштабы социально- экономического кризиса в России конца XVI — начала XVII в.: спорные проблемы

УДК 94(47).045

В докладе обсуждается проблема интенсивности фискального принуждения, темпов роста налогов и масштабов кризиса в России конца XVI — начала XVII в. На основе исследования документов Новгородской приказной избы получены данные, корректирующие представления о размерах налогов на Северо-Западе России, алгоритме их взимания, их соотношении с размером налогов, бытовавших в центральной части страны.

Ключевые слова: *фискальная политика, социально-экономический кризис, приходно-расходные книги*

Проблемы интенсивности фискального принуждения, темпов роста налогов и масштабов кризиса в России второй половины XVI — начала XVII в. оживленно обсуждались в историографии. Одним из ключевых проявлений и факторов усугубления кризиса историки считают фискальную политику государства, а важным признаком масштабов кризиса — голод 1601–1603 гг. Проблема динамики и тяжести налогообложения на рубеже XVI–XVII вв. до настоящего времени продолжает оставаться спорной, прежде всего потому, что решается почти исключительно на новгородском материале, в то время как по другим регионам России имеются фрагментарные и несопоставимые данные.

От начала XVII в. (зима 1601–1602 гг.) сохранился наиболее ранний комплекс документов Новгородской приказной избы, который позволяет детально реконструировать систему сбора налогов на Северо-Западе России. Существенные коррективы

в процесс сбора налогов вносил начавшийся осенью 1601 г. голод. В декабре старосты Обонежской пятины докладывали, что к Рождеству они «государевых денег собрати не успили, потому што изо многих погостех крестьяне от гладу розбежались, и с женами и с детьми за белозерский рубеж и по иным местем» [8, с. 207]. Исчерпывающую информацию о порядке сбора налогов в Деревской пятине зимой 1601–1602 гг. содержит челобитная губного старосты Михея Мельницкого от 10 января 1602 г. [8, с. 216–218], из которой следует, что налоги собирались в три «приема», каждый раз в «запечатанном» виде отправляясь в Новгород «в казну» с губным целовальником. Губной староста докладывал, что помещики Арцыбашевы, оправдываясь бегством всех крестьян, «ямским охотникам на прогоны денег не дали», и М. Мельницкий внес за них 11 алтын «из ыново обиходу для книг» [8, с. 219]. Тем не менее, требуемая сумма налогов была выплачена населением пятины в полном объеме, что свидетельствует о незначительных масштабах голода в этой местности зимой 1601–1602 гг. и восстановлении платежеспособности населения после пика кризиса в 1580-х гг.

Проблема общей суммы налогов, взимаемых с определенных единиц налогообложения (сохи, обжи) в различных регионах России не решена до настоящего времени. Так, С. М. Каштанов привел данные о взимании в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в 1581/82 г. 38 руб. 15 алт. данных и полоняничных денег с сохи, в 1589 г. — 22,5 руб. данных и полоняничных денег, а в 1592 г. — 10 руб. ямских денег с сохи [6, с. 235]. По новгородским материалам системный анализ фискальной нагрузки на рубеже XVI–XVII вв. осуществил Г. В. Абрамович. В историографии, как правило, используются выводы исследователя о росте налогов в Северо-западных землях за вторую половину XVI в. в номинальном выражении в 5,7 раза [1, с. 75, 76].

Прогрессирующий рост налогов в 1560 — начале 1600-х гг. не подлежит сомнению, но методы подсчета Г. В. Абрамовича нуждаются в некоторой коррекции. В 1601–1602 гг., по данным Г. В. Абрамовича, с обжи в новгородских пятинах платили 429 московских денег. Эта цифра была получена историком, во-первых, путем анализа отписей губных старост Деревской пятины за 1601–1602 гг. Изучив дело о выплате оброчных денег с поместья В. Оничкова, Г. В. Абрамович увидел, что с пол-обжи

помещичьей земли губные старосты на протяжении 14 лет собирали по 20 алтын ямских и приметных денег, что в пересчете на обжу составило бы 40 алтын, то есть 240 денег [8, с. 167–170]. Во-вторых, историк полагал, что помимо ямских денег и примета в 1601–1602 гг. должны были взиматься многочисленные подати, фигурирующие в платежной книге 1588 г., в том числе деньги ямским охотникам на ямы и на прогоны, однако наш пересчет податей, зафиксированных в книге 1588 г. дал цифру в 379 денег с обжи, что на 10 денег меньше суммы, высчитанной Абрамовичем. Если учесть, что в 1601–1602 гг. сумма ямских денег с обжи составляла на 40 денег больше, чем в 1588 г., общая сумма податей в начале XVII в. должна была составлять 419 денег с обжи.

В расчете на соху в новгородских пятинах в 1601–1602 гг. должны были собирать 62 руб. 14 алт. 1 деньгу. Сопоставлять эти расчетные цифры с сохранившимися данными о налогах в Замосковном крае чрезвычайно сложно по двум причинам. Во-первых, размеры основной окладной единицы — сохи — на Северо-Западе и в Замосковном крае не совпадали, составляя соответственно 300 и 1 000 четвертей «средней» земли. Во-вторых, сопоставимые данные по Замосковному краю начала XVII в. неизвестны. Единственная цифра, могущая служить некоторым ориентиром — рассчитанная С. Б. Веселовским сумма налогов, собираемых на посаде Можайска в 1596–1598 гг., где с сохи собирали 58 руб. 17 алт. [2, с. 152]. Приведенные подсчеты при всей их условности, вызванной фрагментарным характером данных, относящихся к наиболее разоренным регионам в стране, выглядят весьма вероятными, характеризуя два синхронно протекавших процесса — чрезвычайное возрастание фискальной нагрузки и падение стоимости денег, зафиксированное исследованиями движения цен. Экономическая ситуация в стране в целом была тяжелой и в начале XVII в. была усугублена голодом.

«Великий голод» был вызван климатическими изменениями в Европе, выразившимися в глобальном похолодании начала XVII в. и холодном и дождливом лете 1601 г., и последствиями кризиса, который подорвал устойчивость крестьянского хозяйства. Весной 1602 г. цены на хлеб достигли максимальных значений и выросли в центре страны в 25 раз. Массовая гибель населения от голода и болезней, когда только в Москве было погребено 120–127 тыс. чел., оставили у современников впечатление катастрофы.

Однако, известный указ Годунова в Соль Вычегодскую от 3 ноября 1601 г. содержит сведения о значительной концентрации хлеба в руках церкви и «прожиточных» светских людей [5, с. 67]. Введенные в научный оборот данные о территориальном распространении голода 1601–1603 гг. позволяют существенно откорректировать представления о его масштабах. Уже Н. А. Горская привела данные о хлебных запасах крупнейших русских монастырей: Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого. Она, однако, считала, что голод 1601–1603 гг. подорвал хозяйственную устойчивость монастырей, заставляя их даже закупать хлеб для посевов и потребления.

Ее выводы были существенно откорректированы З. В. Дмитриевой, которая показала, что летом голодного 1601 г. в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря планировали собрать не менее 15 тыс. четвертей ржи. Голода, сопоставимого с распространенным в центральных уездах, на Белоозере не было. Монастырь продавал хлеб в августе 1602 и весной 1603 г., причем его цена (120 денег) всего на 20 % превышала «указную» цену 1601 г., которую правительство Годунова установило для пресечения спекуляции хлебом. В эти же годы из монастырских житниц хлеб выдавался монастырским крестьянам «взаем и в денги» [3, с. 124–136; 4, с. 9–15]. Как следует из введенного в научный оборот В. И. Корецким дела о вывозе крестьянина, к декабрю 1602 г. последствия голода были преодолены и в Суздальском уезде. В хозяйстве крестьянина Потапа Денисова в начале зимы имелось 72 четверти зерна разных видов, что позволяет говорить о хорошем урожае 1602 г. и завершении голодных лет в этом регионе [7, с. 180, 181].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о неоднозначной хозяйственно-экономической ситуации, сложившейся в России в начале XVII в. Вопреки широко распространенным представлениям нет неопровержимых фактов резкого ухудшения ситуации накануне начала гражданской войны, что побуждает вести поиски обстоятельств ее возникновения и причин в социально-политической сфере.

Библиографический список

1. Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси XVI — первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84.
2. Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1.

3. Горская Н. А. Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства начала XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 год. Минск, 1964. С. 124–136.

4. Дмитриева З. В. Хлебный бюджет Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. СПб., 2015. Вып. 1 (17). С. 9–157.

5. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. М., 1986.

6. Кашганов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

7. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

8. Русская историческая библиотека. Л., 1928. Т. 38.

Vladimir A. Arakcheev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: arakk@rambler.ru

The growth of taxes and the scale of the socio-economic crisis in Russia at the end of the 16th — early 17th century: controversial issues

The paper discusses the problem of the intensity of fiscal coercion, the rate of tax growth and the scale of the crisis in Russia at the end of the 16th — early 17th century. On the basis of studying documents of the Novgorod zakaznaya izba, data were obtained that corrected ideas about the size of taxes in the North-West of Russia, the algorithm of their collection, their correlation with the size of taxes prevailing in the central part of the country.

Keywords: *fiscal policy, socio-economic crisis, receipt and expenditure books*